

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра общего литературоведения и журналистики

Религиозные мотивы в рассказе А. П. Чехова “Убийство”

АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ
БАКАЛАВРА

студентки 4 курса 411 группы

направления 45.03.01 «Филология» (профиль «Отечественная филология
(Русский язык и литература)»)

Института филологии и журналистики

Твердохлебовой Софьи Владимировны

фамилия, имя, отчество в Р.п.

Научный руководитель

зав. кафедрой

д. филол. н., профессор

_____ В.В. Прозоров

Консультант

доцент, к. филол. н.

_____ Т.А. Волоконская

Зав. кафедрой

д. филол. н., профессор

_____ В.В. Прозоров

Саратов
2026

Тема религии всегда была важна для русских классиков, и её влияние можно найти во многих произведениях отечественной литературы. М.М. Дунаев в своей работе «Испытание веры» писал: «Русские писатели смотрели на жизненные события, характеры и стремления людей, озаряя их светом евангельской истины, мыслили в категориях Православия»¹. И действительно, религия была неотъемлемой частью жизни многих авторов XIX века, что не могло не найти отражения в литературе. Это подтверждается большим количеством отсылок к Священному Писанию в классических произведениях и параллелизмом их сюжетов с эпизодами Евангелия.

Не стал исключением и А.П. Чехов. Однако отношения этого писателя с религией всегда были непростыми. Над этим размышляли многие исследователи, например А.П. Чудаков, М.М. Дунаев, Н.Г. Капустин. Сам же писатель в одном из своих писем признавался: «Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание – с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своём детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; религии у меня теперь нет» [V, 20–21]².

«Представлять себе картину детского приобщения Чехова к церкви в розовом свете ошибочно. В вере Павла Егоровича [отца Чехова. – С.Т.] преобладали формализм, назойливо-поучающий тон, не было теплоты и терпимости, что отрицательно повлияло на отношение Чехова к религиозному воспитанию, психологически предопределив и более значительные последствия. Вероятно, детскими впечатлениями вызвана мысль о парадоксальном объединении веры и деспотизма»³, – пишет в статье «Чехов и религия» Н.Г. Капустин.

¹ Дунаев М.М. Испытание веры // Богословский вестник. М., 1993. Т. 1. С. 228.

² Здесь и далее произведения и письма А.П. Чехова цитируются по Полному собранию сочинений и писем в 30 т. (М., 1974–1983) с указанием тома римскими и страницы арабскими цифрами.

³ Капустин Н.Г. Чехов и религия // Литература. 2009. №03 (723). С. 26.

В этой же работе Капустин так рассуждает о вопросе веры Чехова: «То, что Чехов был верующим человеком, определённо утверждал священник М. Степанов, автор вышедшей в 1913 году в Саратове книги “Религия А.П. Чехова”. <...> В 1914 году в юбилейной статье, посвящённой десятилетию со дня смерти писателя, Б.К. Зайцев называл Чехова праведником, собственным примером способствующим разрешению жизненных горестей»⁴. Примерно в то же время, что и названные Капустиным авторы, о Чехове писал К.И. Чуковский. «Обращение к фигуре Чехова столь именитых и влиятельных людей подчёркивает важность и авторитет писателя для людей начала XX века»⁵, – сообщает Капустин, поэтому неудивительно, что перечисленные им люди интересовались не просто фигурой Чехова, но и его отношением к религии, к той сфере жизни, которая раньше служила русским людям главным учителем.

«Однако существовал и иной полюс восприятия, – продолжает Капустин. – По свидетельству Д. Маковицкого, обозначившаяся тенденция вызвала неприятие Л.Н. Толстого: “Я в Чехове вижу художника, они – молодёжь – учителя, пророка. А Чехов учит, как соблазнять женщин”. “Учитель! Учитель чего?” – задавался вопросом Д.С. Мережковский в вышедшей в 1910 году статье “Брат человеческий”»⁶. Многие современники считали, что у Чехова нет религиозного мировоззрения. Толстой и Мережковский отрицали право Чехова быть наставником – возможно, потому, что не видели у него системы религиозных взглядов.

При этом мнение, что Чехов жил только поисками Бога и пришёл к какому-то конкретному решению, не совсем верно. «К нему больше приложима характеристика “человек поля”, суть которой раскрывают его собственные слова: “Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский [же] человек знает какую-либо одну из этих двух крайностей, середина же между

⁴ Капустин Н.Г. Чехов и религия // Литература. 2009. №03 (723). С. 26.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Там же. С. 27.

ними не интересует его; и потому обыкновенно он не знает ничего или очень мало»⁷, – рассуждает Капустин. Мы видим, что Чехова больше интересовали не люди с твёрдыми религиозными убеждениями или отсутствием таковых, а колеблющиеся, ищущие, сомневающиеся.

Однако С.Н. Булгаков в своей работе «Чехов как мыслитель» цитирует слова самого писателя: «Науки и искусства, когда они настоящие, стремятся не к временным, не к частным целям, а к вечному и общему, – они ищут правды, смысла жизни, ищут Бога, душу»⁸. Философ полагает, что «в этих словах определяется и общее содержание творчества и самого Чехова, и оно посвящено тому, в чем он видел задачу истинной науки и искусства»⁹.

О понятии «человека поля» пишет А.П. Чудаков: «Позиция человека поля – не только неприсоединения, но принципиального несближения с полюсами <...> позиция пребывания в нефиксированной и идеологически резко не обозначенной точке поля – оказала существенное влияние на структуру художественного мира Чехова на всех его уровнях»¹⁰. То есть «человек поля» – это человек, который не принадлежит к какому-то определённом «полюсу», а является чем-то промежуточным, находящимся между полюсами.

Среди произведений Чехова своей религиозной тематикой явно выделяется рассказ «Убийство». В этом рассказе автор рассказывает о двух братьях Тереховых – младшем Матвее и старшем Якове. Яков является раскольником: «Яков Иваныч был православным, но после смерти жены вдруг перестал ходить в церковь и молился дома» [IX, 144-145]. Отметим, что в их семье такое религиозное самоопределение является не чем-то исключительным, а, наоборот, традиционным: «Бабка Авдотья, которая построила постоянный двор, была старой веры, ее же сын и оба внука (отцы Матвея и Якова) ходили в православную церковь, принимали у себя

⁷ Капустин Н. Г. Чехов и религия // Литература. 2009. №03 (723). С. 26.

⁸ Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель. М., 1910. С. 12.

⁹ Там же. С.12.

¹⁰ Чудаков А. П. «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле...»: Чехов и вера // Новый мир. 1996. № 9. С. 190–191.

духовенство и новым образам молились с таким же благоговением, как старым; сын в старости не ел мяса и наложил на себя подвиг молчания, считая грехом всякий разговор, а у внуков была та особенность, что они понимали писание не просто, а всё искали в нем скрытого смысла, уверяя, что в каждом святом слове должна содержаться какая-нибудь тайна» [IX, 144]. И сейчас Яков не одинок в своих убеждениях: вместе с ним в домашних богослужениях по его настоянию участвуют сестра Аглая и дочь Дашутка. Матвей же, в отличие от других членов своей семьи, – приверженец традиционного типа православия, к которому он пришёл не сразу, пройдя собственный путь заблуждений, чем фактически противопоставил себя остальной семье. Конфликт между братьями развивается в течение всего повествования и часто останавливается в одном шаге от прямой агрессии: «Яков Иваныч, сжав кулаки, не глядя на него, чтобы не ударить, быстро вышел из молельной» [IX, 152]. В конце концов их противостояние приводит к ужасным последствиям: старший брат убивает младшего и отправляется на каторгу. И именно когда герой находится там, под воздействием пережитых испытаний, природных условий, общения с другими каторжными происходят духовные изменения. Благодаря случившемуся Яков начинает ощущать присутствие в его жизни некоего высшего смысла: «Он опять стал возноситься к Богу, и ему казалось, что он, наконец, узнал настоящую веру, ту самую, которой так жаждал и так долго искал и не находил весь его род, начиная с бабки Авдотьи» [IX, 160]. Это, однако, не означает его прихода к каноническому православию. Герой продолжает задаваться вопросами, отдаляющими его от истинной веры: «Всё уже он знал и понимал, где бог и как должно ему служить, но было непонятно только одно, почему жребий людей так различен, почему эта простая вера, которую другие получают от бога даром вместе с жизнью, досталась ему так дорого, что от всех этих ужасов и страданий, которые, очевидно, будут без перерыва продолжаться до самой его смерти, у него трясутся, как у пьяницы, руки и ноги?» [IX, 160] Это показывает, что он всё ещё не изменяет семейной традиции, по-прежнему продолжает искать своё трактование веры.

Рассуждения Капустина, в частности его слова об отце Чехова, наталкивают нас на мысль о том, что именно Павел Егорович Чехов мог в определенном смысле стать прототипом Якова из рассказа «Убийство». А в Матвее мы можем увидеть черты самого Чехова: автор в детстве в церкви читал «Апостола», и эту же книгу упоминает герой в своём монологе.

Интересно, что Чехова семейное погружение в религию отвратило от веры, но для героя он выбирает другой исход. Это может быть связано с тем, что фигуры автора и его персонажей – разные субъекты, и, если личности самого Чехова соответствует такая реакция на поведение отца, то на его героев, других по своей натуре людей, это же жизненное обстоятельство могло подействовать по-другому.

В изучаемом рассказе можно проследить большое количество образов и мотивов, связанных с церковной сферой. Например, влияние религиозного мировоззрения прослеживается в именах героев, взятых из христианских святцев и позволяющих провести параллели между их судьбой и жизнью их знаменитых тёзок. Также изображаемые в рассказе картины природы не остаются просто фоном, а психологически оттеняют происходящее в жизни персонажей и даже открывают в нём чудесный, мистический смысл, и подобное же отношение к природным явлениям мы наблюдаем в Священном Писании. Наконец, склонность семьи Тереховых не довольствоваться традиционным православием, а непременно изобрести свой вариант веры, выражается через постоянно присутствующий в тексте мотив мечтаний.

Рассказ «Убийство» не является хрестоматийным и вообще не пользуется популярностью у читателей и исследователей. А между тем это произведение содержит в себе важные для Чехова мотивы, связанные с религией (например, мотив раскольников) и мировоззрением автора.

Актуальность темы видится нам в том, что современное литературоведение переживает эпоху возрождения интереса к религиозной проблематике – возможно, это связано с окончанием долгого советского периода запретов и ограничений на изучение этой темы. За последние годы

было написано много работ, посвящённых религиозной тематике. Например, «Религиозное переживание времени в романе Б. Пастернака “Доктор Живаго”» Цзоу Вэньяо (2019), в которой автор отмечает сакральность религии для человека XX века: «Религиозное отношение ко времени, его сакральный характер особенно ярко проявляются в “Стихотворениях Юрия Живаго”», в значительной мере основанных на евангельских сюжетах, лейтмотивах и ассоциациях»¹¹, – или «Проблема экзистенциального выбора в поэме М. Ю. Лермонтова “Демон”»¹² Л.О. Мысовского, в которой автор в том числе анализирует духовное состояние героев и сравнивает его с духовным состоянием автора.

В нашей работе будет впервые представлен комплексный анализ религиозных образов и мотивов рассказа «Убийство» на всех уровнях текста, в чем нам видится **новизна** предпринимаемого исследования.

Целью нашей выпускной квалификационной работы мы видим выявление религиозных аллюзий и мотивов в рассказе Чехова «Убийство» для более целостного понимания сюжета.

Мы ставим перед собой следующие **задачи**:

- Выявить формы бытования церковной лексики в речи персонажей и повествовании о них и определить, какое значение она имеет для их характеристики.
- Проанализировать образы и мотивы, связанные с религиозной тематикой.
- С помощью толкования имён персонажей обнаружить в библейских сюжетах возможных героев-прототипов.
- Проанализировать историю семьи Тереховых и религиозные искания главных героев рассказа – братьев Матвея и Якова, как различные версии пути к вере.

¹¹ Цзоу Вэньяо. Религиозное переживание времени в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Научный диалог. 2019. №3. С. 205.

¹² См.: Мысовский Л.О. Проблема экзистенциального выбора в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2023. №2. С. 15-20.

Для достижения цели и выполнения поставленных задач нами была изучена научная база источников, посвящённая выбранному для анализа рассказу, а также работы, рассказывающие о личности самого Чехова. Кроме того, для более точного понимания важных для нас терминов мы воспользовались словарями и энциклопедиями. Для этого нами были выбраны: «Литературная энциклопедия терминов и понятий» под ред. А.Н. Николюкина, «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона¹³, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и «Толковый словарь современного русского языка» Д.Н. Ушакова. Также мы воспользовались статьями, посвящёнными узким темам, которые затрагиваем в своём исследовании: например, «Из истории иконописания в России Нового и Новейшего времени: век XVII – век XX» Т.Н. Арцыбашевой¹⁴; «Способность к общению как безусловная ценность веры в творчестве А.П. Чехова» Е.В. Шишпарёнок¹⁵ и «“Метельный” текст в прозе А. П. Чехова: поэтика и функции»¹⁶ Л.Н. Синяковой. Кроме того, мы обратились к большому количеству печатных и онлайн-источников, посвящённых религиозной тематике: среди них важным для нас стал сайт «Азбука веры»¹⁷, сочинения свят. Амвросия Медиоланского¹⁸ и свят. Игнатия Брянчанинова¹⁹.

Объектом нашей работы станут религиозные мотивы и образы, **материалом** – рассказ Чехова «Убийство», а **предметом** – формы проявления религиозных мотивов и образов в сюжете рассказа.

Ключевым понятием нашего исследования станет термин «**мотив**». Учёные дают ему самые разные определения. Например, Валерий

¹³ См.: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: в 86 т. СПб., 1890–1907.

¹⁴ См.: Арцыбашева, Т.Н. Из истории иконописания в России Нового и Новейшего времени: век XVII – век XX // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2004. Вып. 7. С. 220-225.

¹⁵ См.: Шишпарёнок Е.В. Способность к общению как безусловная ценность веры в творчестве А.П. Чехова // Философия А. П. Чехова / под ред. А.С. Собенникова. Иркутск, 2012. С. 89-96.

¹⁶ См.: Синякова Л.Н. «Метельный» текст в прозе А. П. Чехова: поэтика и функции // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 88-100.

¹⁷ Азбука веры [Электр. ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/> (дата обращения: 08.04.2024).

¹⁸ См.: Амвросий (Медиоланский), свят. Собр. творений. В 7 т. Т. 3. М., 2013. 487 с.

¹⁹ См.: Игнатий (Брянчанинов), свят. Полн. собр. творений и писем: в 8 т. Письма. В 3 т. Т. 3. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. 670 с.

Владимирович Прозоров в книге «Другая реальность» пишет так: «**Мотивы** – нити, составляющие ткань текста, специальным образом окрашенные и умело сплетённые, сопряжённые друг с другом»²⁰. А в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» А.Н. Николюкина мы находим такое толкование: «**Мотив** (позднелат. *Motions* – движение) – термин, заимствованный из музыковедения. М. как простейшая повествовательная единица был теоретически обоснован в “Поэтике сюжетов” (1897–1906) А.Н. Веселовского, интересовавшегося по преимуществу повторяемостью М. в повествовательных жанрах разных народов как основы “предания”, “поэтического языка”, унаследованного из прошлого. По мнению А.Л. Бема, М. – это “предельная ступень художественного отвлечения от конкретного содержания произведения, закреплённая в простейшей словесной формуле”. Так, М., объединяющий три произведения: “Кавказский пленник” (1840-41) А.С. Пушкина, “Кавказский пленник” (1828) М.Ю. Лермонтова и “Атала” (1801) Ф.Р. де Шатобриана, – любовь чужеземки к пленнику и смерть героини»²¹.

Не менее важным для нас является определение понятий «**религия**» и «**вера**». «**Вера**, – пишет в своём словаре Д.Н. Ушаков, – это состояние сознания верующего»²²; «**верующий** – признающий существование бога, религиозный человек»²³. А религии он даёт такое определение: «**Религия** – взгляды и представления, основанные на мистике, на вере в чудодейственные силы и существа»²⁴. Однако словарь Д.Н. Ушакова был составлен в советский, атеистический период, поэтому мы приведём ещё одно определение из дореволюционного словаря В.И. Даля: «**Религия** – вѣра, духовная вѣра, исповѣданье, богопочитаніе, или основныя духовныя убѣжденья»²⁵. Также

²⁰ Прозоров, В. В. Мотивы в сюжете // Прозоров, В. В. Другая реальность. Саратов, 2005. С. 67.

²¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. С. 59.

²² Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. В 4 т. Т.1. М., 2005. С. 248.

²³ Там же. С. 256.

²⁴ Ушаков Д.Н. толковый словарь современного русского языка. В 4 т. Т. 3. М., 2005. С. 1333.

²⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М., 1881. С. 81.

важными для исследования стали понятия «ересь» и «секта». «Секта – братство, принявшее свое, отдѣльное ученье о вѣрѣ; согласіе, толкъ, расколь или ересь»²⁶, – сообщает нам «Толковый словарь живого великорусского языка». А «ересь – вообще, различіе во мнѣніяхъ вѣры, расколь или отщепенство, отступничество»²⁷. «Библейская энциклопедия» также даёт определение некоторым терминам: «**Вера** – одна из трёх христианских добродетелей. <...> Но с верой должны быть неразлучны и добрые дела»²⁸; «**ересь** – по поучению Православной Церкви состоит в том, когда люди к учению веры примешивают мнения, противные Божественной истине»²⁹. А более точное определение термину «секта» мы находим в «Полном православном богословском энциклопедическом словаре»: «**Сектантство** – это следование религиозному учению, отличному от принятого церковью»³⁰.

Ещё одним важным понятием для нашего текста станет определение **прототипов** героев рассказа. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А.Н. Николюкина дается следующее толкование: «**Прототип** (греч. *prototypon* – прообраз) – реально существовавшее лицо, послужившее автору прообразом (моделью) для создания литературного персонажа. “Переработка” П., его творческое преобразование – неизбежное следствие художественного освоения первоначального жизненного материала. Степень ориентированности на П., характер его использования зависят от направления, жанра и творческой индивидуальности писателя»³¹. И там же мы находим толкование другого важного для нас понятия «**аллюзия**»: «(от лат. *allusio* – намек, шутка) – в литературе, ораторской и разговорной речи отсылка к известному высказыванию, факту литературной,

²⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М., 1881. С. 156.

²⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М., 1881. С. 465.

²⁸ Библейская энциклопедия. 3-е изд. М., 2005. С. 101.

²⁹ Там же. С. 214.

³⁰ Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 4 т. Т. 3. СПб., 1913. С. 2032.

³¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. С. 828.

исторической, а чаще политической жизни либо к художественному произведению»³².

Наша ВКР разделена на 2 главы, каждая из которых имеет несколько параграфов.

Первая глава: **«Роль религиозных аллюзий в сюжете рассказа “Убийство”»** рассказывает обо всём, что окружает героев.

Первый параграф: **«Формы бытования церковной лексики в рассказе»** – посвящён анализу слов, относящихся к религиозной сфере, которые используют персонажи. Например, мы обратимся к определению слов «задостойник», «кафизма», «паремия», а также к значению этих слов в контексте рассказа. Особое место будет уделено песнопениям («Архангельский глас») и церковным книгам («Апостол»). Их упоминание также является показателем воцерковлённости героев. Использование церковной лексики создаёт особую атмосферу – атмосферу таинственности. Кроме того, благодаря ей мы можем лучше понять героев, и в первую очередь осознать исключительность и в то же время посредственность Матвея Терехова, который хоть и выделяется своими знаниями, но в то же время остаётся сельским жителем с определённым говором и мировоззрением.

Второй параграф: **«Роль религиозных реликвий в рассказе»** – повествует о разных традициях написания христианских образов, их возможной истории и значении для героев рассказа. Важной частью этого раздела станет разграничение икон «нового» и «старого» письма, различие которых видится в двух вариантах: с одной стороны, под старыми иконами автор мог иметь в виду образа староверов, а под новыми – каноничные изображения. А с другой – традиционный тип образа и более современный, подвергшийся влиянию западной традиции. Также в этой части нашей работы мы рассматриваем предполагаемую аллюзию кипарисного креста Якова на священные предметы героев «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского.

³² Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М., 2001. С. 28.

Третий параграф: **«Роль погодных условий в создании атмосферы рассказа»** – рассматривает погодные условия, сопровождающие персонажей в разные моменты повествования. Здесь мы обращаем внимание на сравнение метели с «шабашем ведьм». В произведении проявляется параллелизм погодных явлений с психологическим состоянием и судьбой персонажей, который выстраивается по библейским образцам. Описанная в рассказе погода помогает лучше понять внутренний мир персонажей, однако не является прямым его отображением. Мы можем предположить, что такой контраст показан автором для того, чтобы разграничить персонажей и всё же помочь нам лучше их понять: так, сравнение с антирелигиозным обрядом и служителями дьявола указывает на неправильное и сумбурное прошлое Матвея, а спокойствие падающего снега и отсутствие ветра – на будущее умиротворение Якова.

В четвёртом параграфе: **«Мотив мечтаний как ключевая характеристика духовных исканий Тереховых»** – мы рассуждаем о мотиве мечтания, отношении религиозных деятелей к этому понятию и о последствиях его проявления в сюжете повествования. Мечтание является важной частью религиозных исканий героев. Оно сопровождает героев в моменты сомнений и подталкивает персонажей на принятие неверных решений. Мечтание подтверждает их первоначальную неправильность и греховность, помогая читателю лучше понять героев и мотивы их поступков.

В последнем параграфе этой главы: **«Имена персонажей в контексте возможных библейских прототипов»** – мы анализируем имена главных героев и рассматриваем их возможные прототипы. Например, обращаемся к историям патриарха Иакова, трёх учеников Христа, носящих такое же имя, и апостола Матфея. В истории ветхозаветного патриарха Иакова мы обнаруживаем явные параллели с судьбой его чеховского тезки: как и библейский герой, Яков находится в конфликтных отношениях с братом, а его жизненный путь, как главы семьи и последнего мужского представителя рода Тереховых, является определяющим не только для его личной судьбы, но и для религиозных

исканий рода. Явные параллели мы видим и в истории Матвея и одного из самых известных учеников Христа, апостола Матфея. Судьба апостола была похожа на судьбу чеховского героя: сначала он был мытарем, но, пойдя за Христом, пришёл к истинной вере, в то время как Матвей Терехов, вслед за предками уйдя в ересь, спустя время вернулся к каноническому православию. Также в этом разделе мы изучаем библейские сюжеты, которые могут быть прототипическими для ключевого события чеховского рассказа: историю Каина и Авеля – один из ключевых сюжетов Ветхого Завета об умерщвлении. Эта история прежде всего похожа на сюжет Чехова мотивацией убийцы: Яков, подобно Каину, поднял руку на брата из-за зависти и подогреваемого ею раздражения. Также мы обратимся к повествованию о жертвоприношении Исаака Авраамом, ведь историю Матвея можно рассматривать в качестве жертвоприношения для будущего духовного перерождения его двоюродного брата. Кроме того, нам будет интересен сюжет смерти первого мученика Стефана. Его польза для нашего исследования обусловлена прежде всего тем, что к убийству первого человека, пострадавшего за Христа, имел отношение будущий апостол Павел. То есть мучитель, убив, позвал истину. То же ожидало и Якова.

Вторая глава нашей работы называется **«Религиозные искания семьи Тереховых»**, и в ней мы в трёх параграфах обращаем пристальное внимание на характеры, особенности биографии, подробности религиозных исканий нескольких членов семьи главных героев и их самих. Представители рода Тереховых рассматриваются нами в контексте определения «человек поля»: каждый из них обнаруживает сомнения и колебания между противоположными нравственными полюсами.

В первом параграфе: **«Тереховы: между богомольем и мечтанием»** – мы рассматриваем фигуры бабки Авдотьи, её сына и внуков – отцов Якова и Матвея, жены Якова и ребёнка Матвея от незаконного союза, а также сестры Якова и Матвея Аглаи и дочери старшего из братьев Дашутки. Наше исследование позволяет выявить, что ни у одного из представителей семьи Тереховых нет прямого наследника: Матвей не женат, и его единственное

упоминаемое дитя мертво, а у Якова лишь дочь. То есть в истории этой семьи фактически наступает финал, развязка, и ею становится один из самых тяжких грехов – убийство. Такое завершение ещё раз демонстрирует нам пагубность заблуждения в вере и религиозных исканий. Также в этом разделе мы рассматриваем значение прозвища Тереховых – Богомолы, и дом, где живут главные герои, его историю и важные для неё религиозные мотивы и аллюзии.

Во втором параграфе: **«Матвей: праведник или подстрекатель?»** – мы подробно разобрали образ и динамику духовного развития Матвея Терехова, в первую очередь опираясь на монолог, произнесённый им во второй главе произведения. Здесь важными для нас стали несколько моментов. Еретические размышления героя начались ещё в детском возрасте из-за отстранения от других жителей деревни и подкрепились постоянными отрицательными суждениями Матвея по отношению к церковным служителям. Далее последовало основание собственной секты в доме глухой мещанки с взятием на себя большого количества обязательств и запретов, а также устраивание оргий с прихожанками, видевшими в нём настоящего святого. Духовное прозрение героя произошло под влиянием Осипа Варламовича – старосты, ставшего для Матвея спасителем и моральным наставником. Развёртывание истории духовных исканий Матвея через его исповедальный монолог позволяет не только проследить ход его заблуждений и прозрений, но и сопоставить прежние ошибочные суждения с позднейшим отношением персонажа к его жизни. Также многочисленные детали (например, нежелание Матвея поститься и постоянное и довольно резкое осуждение брата за неправильность веры) позволяют нам судить о том, что возвращение героя к каноническому православию так и не было завершено, он не очистился от мечтаний и по-прежнему находился в духовной опасности, считая себя вправе проповедовать брату истинную веру.

В третьем, заключительном, параграфе: **«Яков: зверь или мученик?»** – мы проводим подробный анализ образа Якова Терехова с глубоким рассмотрением его религиозного пути. В этой части работы важными для нас

становятся такие этапы изменения героя, как традиция домашнего богослужения, раздражение на проповедующего Матвея, приводящее к убийству, и духовные размышления на каторге. Домашние богослужения старшего Терехова имеют явные отличия от сектантских оргий его младшего брата, однако также не являются истинными. В подтверждение этому мы видим разные виды икон в красном углу Якова и показную религиозность персонажа, которую подчёркивает даже сам автор: «Он читал, пел, кадил и постился не для того, чтобы получить от бога какие-либо блага, а для порядка» [IX, 144]. Нарушение душевного равновесия Якова прослеживается на протяжении всего сюжета и вызвано прежде всего постоянными осуждениями Матвея, из-за которых Яков сам начинает сомневаться в своей вере, что очень раздражает его и в итоге приводит героя к неконтролируемой ярости. Именно во время приступа этой ярости он и убивает брата. Совершенное преступление приводит его на каторгу, где происходит духовное перерождение героя: он снова задумывается о вере и приближается к её истинной форме, тем самым делая возможным душевный покой.

В **заключении** ВКР подводятся итоги исследования и намечается его возможная перспектива.